

маскарада, который типичен для «потешного» мира Петра, но губителен для Алексея. Одновременно символические костюмные детали способствуют созданию этого особого карнавального мира, который является привычной средой для Петра-Антихриста и враждебной для Алексея. Костюм удивительно тонко подчеркивает различие взаимоотношений отца и сына с «потешным» миром. Модель «потешного» мира представляет собой мистификацию петровской действительности и отражает авторскую концепцию истории.

В.А. Редькин

НАСЛЕДИЕ Г.Р. ДЕРЖАВИНА В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ ПОЭТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Чем далее поэт отстоит от своего предшественника, тем труднее говорить об их генетических связях. Влияние Г.Р. Державина на русскую поэзию исследователи прослеживали от В. Жуковского и А. Пушкина до А. Блока и В. Маяковского. Что касается его влияния на современных поэтов, то критики разве что обнаруживали в их стихах державинские выражения, ставшие фразеологизмами. Речь скорее должна идти о типологической близости, схождениях принципов создания образов, поэтического стиля, концепции мира и человека.

Типологическое сходство возникает на основе общих национальных и онтологических корней, близости аксиологии, сходных черт эпохи, тенденций и закономерностей литературного процесса. Г.Р. Державин впервые заинтересовал читателя собственным внутренним миром. Новое в его поэзии было связано с индивидуальностью лирического я вплоть до самоиронии, что ярко проявилось в «Фелице». В его стихах сочеталось личное, автобиографическое и обобщенно-типизированное. Он передавал свои личные чувства, радости и боли, выражал восхищение героями и негодование нечистыми на руку вельможами, размышлял о месте человека в мире, передавал свои сомнения и чаяния. «Как сон, как сладкая мечта, / Исчезла и моя уж младость; / Не сильно нежит красота, Не столько восхищает радость...»¹ – писал он в стихотворении «На смерть князя Мещерского».

С середины 50-х годов XX века роль личного начала в поэзии после двадцатилетнего выражения обобщенно коллективных чувств и настроений под прессом политических догм постоянно возрастала. Лиричнее звучали даже социально значимые темы патриотизма, защиты Отечества, социальной справедливости,

¹ Державин Г.Р. Сочинения. М., 1985. Далее ссылки на данное издание даются в тексте с указанием страницы.

общественной роли поэзии, не говоря о том, что возродились и получили права гражданства тема любви, личных достижений и утрат и, наконец, смерти. Не смерти героя ради жизни на земле, как это было в годы Великой Отечественной войны, а собственного ухода в небытие. Это проявилось уже у А. Твардовского в сборнике «Из лирики этих лет». Поэт пишет о текучести и краткости земных сроков. Развивая тему жизни и смерти, поэт высказывает мысль о ценности и невыразимой красоте реального мира («Все сроки кратки в этом мире...», «Как, не спеша, садовники орудуют»). Поэт заставляет читателя задуматься о горизонтах эпохи («День прошел, и в неполном покое...»). Подчас поэт проникается ощущением инобытия. Он как бы смотрит на дела земные из иного мира, соотнося события личной жизни и истории с вечностью. Характерно стихотворение «В живых меня как бы и нету...», написанное от имени старушки, уже переступившей грань между жизнью и смертью. Подводя итоги своей жизни, мысленно возвращаясь в далекое прошлое, поэт стремится смягчить и примирить свой юношеский максимализм с духовными традициями народа, сожалеет о невосполнимых утратах:

Погубленных березок вялый лист,
Еще сырой, еще живой и клейкий,
Как сено из-под дождика, душист.
И Духов день. Собрание в ячейке.
А в церкви служба. Первый гармонист
У школы восседает на скамейке,
С ним рядом я, суровый атеист...¹

Поэт самокритично признает, что подчас не был свободен в своем творчестве от «страсти мелочной успеха», и развивает характерную для него тему вины и покаяния в обобщенном всеохватном плане («Есть имена и есть такие даты...», «Я знаю, никакой моей вины...») Мастер, всю жизнь находившийся в состоянии борьбы, активной социальной деятельности, теперь ощущает особую прелесть покоя, отрешения от всего суетного и преходящего. У него возникает чувство благодарности за красоту этого мира, «за тихое, легкое счастье». «Не знаю, чему иль кому спасибо», – признается поэт в стихотворении «Спасибо за утро такое...». Оставаясь поэтом, сформированным советской эпохой, Твардовский так и не решился прямо выразить благодарность Творцу, назвать мир природы Божьим миром, что позже сделали Н. Рубцов и В. Соколов, Ю. Кузнецов, Н. Дмитриев, Н. Карташова и М. Аввакумова, но подспудно, в глубине строки у А. Твардовского последних лет ощущается духовная природа мира. По сути масштабность видения мира и его философского

¹ Твардовский А. Из лирики этих лет. М.: Сов. писатель, 1976. С. 89.

осмысления, сочетание эпического и лирического начал у Твардовского близко державинскому.

Ориентация на традиции «высокой» поэзии поддерживается у В. Соколова симпатией к стилю «ретро» с характерными элементами архаики, поэтизмами, старославянизмами: «родимый хлад», «купол ворот», «снег пленил меня игрой», «хочу быть к таинству приближен» и т. д. Весь мир в душе поэта, а поэт растворен во всем мире: «И словно б не было меня, и вместе с тем все было мною, И пульс под коркой ледяною, И влага стен, и щебетня» («Смена дней»), «Там перроны летят, трубя, / Там деревья стоят в росе. / Неужели все это я?» («Александровский сад»).

В стихах В. Соколова традиционное близкое державинскому реалистическое начало проявляется в том, что он утверждает «открытость» человека, его естественность, подлинность. В то же время, как и Державин, он безжалостно развенчивает лица – «маски». В поэме «Чужое письмо» противопоставляется «малыш из Госпроекта, который «шагает, смеясь лицом открытым», тем, кто «все одну решает думу: какое бы лицо надеть, чтоб и к месту, и к костюму». Искусство свято для поэта, и он отвергает любые попытки превратить Музу в официантку, обслуживающую клиентов согласно их пожеланиям. Многие образы в поэме «Сюжет»: дом, стена, лето и зима, жара и холод – символизируют нравственные понятия, имеют определенный социальный смысл. Поэтов сближает глубоко русское чувство совестливости, умение мучиться чужими болями, чувствовать личную ответственность за каждую слезу, пролитую ребенком на земле. И это не столько традиция Аввакума, Державина, Пушкина или Некрасова, сколько общее свойство русской национальной ментальности. При этом В. Соколов выступает в поэзии как сын отечества:

О том, что отечество – это
Не только пространство земли.
Оно и дома и рассветы,
Что трудно оставить вдали.
Оно и родимая крыша,
И помыслы наших годин,
И все, чем живет оно, дышит,
Чем дышишь и ты, его сын¹.

Державин не был приверженцем норм классицизма, не стал романтиком или реалистом в том понимании, которое сложилось в XIX веке. В современной поэзии можно выделить несколько потоков. Можно говорить о реализме, в основе которого лежит антропоморфизм, о романтическом стилевом течении. При этом, в отличие от

¹ Соколов В. Н. Избранное: Стихи. Поэмы. М.: Худож. литература, 1989. С. 321.

революционного романтизма с его нравственным максимализмом, боевитостью и непримиримостью, современные поэты-романтики перед лицом сложной, неоднозначной жизни вносят коррективы в свои идеалы в сторону большей мягкости, милосердия и плюрализма. Существует искусство поэзии, продолжающее линию русского авангарда и воплощающее кризис общественного сознания конца XX века, которое современное литературоведение чаще всего именуется постмодернизмом. Какое из этих стилевых течений ближе к поэзии Державина? Конечно, реалистическое. При всем теоцентризме Державина для него важны место и роль человека в мире. По словам В.И. Федорова, Державин «открыл дорогу развития русского реалистического языка»¹ Он достиг поразительного сочетания лирики и сатиры, просторечий и высокого слога, сблизил поэзию с жизнью. Поэт посмотрел на мир, природу глазами простого человека, показал жизнь «яркой, многоцветной, постоянно меняющейся, непрерывно звучащей на разные голоса»². Для него важны факты исторической действительности, он стремится к конкретности и правдивости. Его искренность доходит до исповедальности.

В 70-е – 90-е годы XX века углубляется и расширяется обращение поэтов к русскому национальному характеру и национальному быту. Предметы русского быта, интерьер (в отличие от Державина чаще крестьянской избы), праздники и застолья, национальные обычаи широко представлены в стихах Н. Тряпкина, В. Бокова, С. Викулова, Н. Рубцова и др. Г.Р. Державин поэтизировал уют семейной жизни («Приглашение к обеду», «Разные вина»). Застолье, по словам С. Аверинцева, у Державина «один из важнейших символов»³. Это символ радости жизни, радушия и гостеприимства. Он воспевал народную жизнь «без рефлексии, без романтизма, без этнографической стилизации»⁴. И у современных поэтов вслед за А. Твардовским «дом» становится символом духовной связи людей, близости и тепла человеческих взаимоотношений. Многие поэты (Г. Горбовский, А. Жигулин, И. Ляпин, В. Костров, Ст. Куняев и другие) критически относятся к либеральным ценностям, разрушающим национальный менталитет. Философское постижение трагизма современного мира, его противоречивости, доброты и жестокости, ощущение его красоты и гармоничности, выражение нюансов личных переживаний и отражение катаклизмов революционной эпохи, проникновение внутренним взором в даль веков и ответы на жгучие вопросы нашего времени – таков

¹ Федоров В.И. Литературные направления в русской литературе XVIII века. М.: Просвещение, 1979. С. 146.

² Западов А.В. Поэты XVIII века М.: Наука. 1979. С. 179.

³ Аверинцев С.С. Поэзия Державина // Г.Р. Державин. Оды. Л., 1985. С. 9.

⁴ Там же. С. 13.

творческий результат реалистического направления в русской поэзии, основанного на вере в человека.

Но существует еще один мощный поток современной поэзии – это духовный реализм, к которому принадлежат поэты, утверждающие ценности православия. При этом вера и церковные догматы не только не сковывают художника, а дают ему необыкновенные творческие возможности. Вера дает максимальную свободу: «И познайте истину, и истина сделает вас свободными»¹. Поэзия духовного реализма наиболее близка творчеству Державина. Эпоха Державина отличается тем, что неверие, атеизм, различные формы деизма стали значительной частью общественного сознания. Этим отличается и XX век. Уничтожение веры было целью советской политической системы. Корни православия были подрублены, но выкорчевать Бога из души русского человека не удалось.

Миссия национально ориентированной русской интеллигенции в конце XX века была та же, что и писателей русской эмиграции первой волны. «Эта миссия не может заключаться ... в культивировании чувства злобы и мести, в мелочной политической вражде, основанной на фикциях. Эта миссия лежит, прежде всего, в духовных задачах, в собирании и выковывании духовной силы, в духовном преодолении злобно-мстительного отношения к ниспосланным Богом испытаниям», – подчеркивалось в редакционной статье, открывавшей издание русского религиозно-философского журнала «Путь»². Пафос поэзии Державина в утверждении Всемогущего и Всеблагого Бога, в прославлении непостижимой красоты Божьего мира и венца Божьего творения – человека. Многие современные поэты стали по сути неопитами, вернулись к онтологии и аксиологии христианства. Отсюда страстность и полемичность их поэзии.

«Державин создает свои переложения псалмов в полемике с атеистами и материалистами и с собственными сомнениями»,³ – справедливо утверждает И.З. Серман. Примером могут служить такие его произведения, как «Успокоенное неверие», «Величество божие» и т.д. У Державина, в сравнении с Ломоносовым, произошло возвращение к вере в её эмоционально-интуитивном значении как ценности более значимой, чем рационалистические научные выкладки. Кредо поэта: «Надейся, верь – и счастлив будь!» Державин в религиозно-философских одах воспроизводит аргументы атеистов и скептиков, чтобы их опровергнуть на основе канонов православия. Его поэзия диалогична и полемична. В «Успокоенном неверии» он как бы

¹ Иоанн. Гл. 8. Ст. 32.

² Духовные задачи русской эмиграции (От редакции) // Путь. Paris. 1925. № 1. С. 3.

³ Серман И.З. Русский классицизм: (Поэзия. Драма. Сатира). Л., 1973. С. 71.

приводит постулат атеистов: «Что жизнь? – Жизнь смерти тленно семя». Отсюда следует вывод, что жизнь – это только страдание. «Такая жизнь – не жизнь, но ад / Змея в груди, геенна, гад». При этом можно предположить, что мука продолжится и в вечности. Возникает сомнение, что Творец Всеблаг: «Кого ж Творцом назвать? Кто благ?» Но благодаря гласу Божьему поэт осознает неправоту своих «сумнений». Он молит всемогущего Бога унять шум страстей и обуздать бурный ум. Сухому рационализму поэт противопоставляет свет Божьей Благодати: «Чего не можно мне поняти, / Наставь в том светом благодати, / Чтоб я средь зол благоговел, / Благодаря тебе терпел...». Для Державина вера – «кротким свет и красота», «гордым мрак и суета», «она одна спасает нас, утешит в самый смертный час». В «Оде духовной, извлеченной из псалма 127», своеобразном переложении библейского текста, сопрягаются понятия блаженства и благочестия. Ода «Бог» утверждает единство человека и Бога, относительность противопоставления человека Богу. В стихотворении «На кончину великой княжны Ольги Павловны» в русле православной традиции душа безгрешного ребенка (княжна умерла в возрасте трех лет) становится в ином мире ангелом. В стихотворении «Урна», посвященном кончине мецената графа И.И. Шувалова, говорится о вечном блаженстве после смерти. Поэт утверждает, что земное счастье кратковременно и преходяще: «Красота, приятность, младость – / Не увидишь, как пройдет» («К Эвтерпе»). В стихотворении «На новый год» Державин выражает стремление жить по Божьему промыслу: «Мое желание предаться / Всевышнего во всем судьбе». Поэт утверждал нравственные законы христианства. Ценность поэзии он видел в максимальном приближении к истине.

В советской критике всячески пытались принизить значение веры для Державина, извратить истинный смысл лучших его произведений. Так, В. Друзин считал, что в оде «Бог» самое ценное в том, что «Державин предвосхищает здесь стихийно-материалистическое изображение круговорота вещества... Изображая величие Бога, Державин по существу говорит о вечном круговороте материи»¹. О вечном круговороте материи писали советские поэты В. Луговской, Н. Заболоцкий, И. Шкляревский, но не Державин. По сути, В. Друзин выхолащивал духовное содержание произведения.

Подобная тенденция существует и в наше время. Трудно согласиться, например, с выкладками профессора Ю.М. Никишова, который считает, что Державин «творил в эпоху, когда русский человек ратовал за веру, царя и отечество», что у него «поэтическая картина

¹ Друзин В. Г.Р. Державин // Г.Р. Державин. Стихотворения М.-Л., 1963. С. 28-29.

создается не в дополнение к богословской космогонии, а *взамен*¹, что сомнения, которые высказывает поэт, чтобы их опровергнуть, кощунственны. Ученый, который признается, что он атеист, с нашей точки зрения, – воинствующий, не может понять четкое разделение и сопряжения у поэта знания и веры. Когда поэт пишет о человеке: «Сегодня бог, а завтра прах...» – с точки зрения исследователя здесь никакой надежды на инобытие нет, «прах – окончательное...»². Но в оде «Бог» мы находим четкий ответ, что смерть – это не конец всему: «Чтоб дух мой в смертность облачился, / И через смерть я возвратился, / Отец – в бессмертие твое». Поэт утверждает «бессмертие души». «Мы называем предмет разными словами: поэт – духом, я – сознанием, но речь идет об одном и том же», – утверждает Никишов. На самом деле в представлении верующего человека сознание, душа и дух – это разные понятия. Анализируя оду «Радость о правосудии», критик упрекает поэта за то, что тот воплощает идею Всеблагого Бога. «Если бы блага распределялись по справедливости! Куда как более прав Чацкий: «Чины людьми даются, / А люди могут обмануться». Чины для атеиста – высшее благо. Державин же утверждал совершенно иное. Он писал о благах духовных. Со страстью юных безбожников 20-х годов Никишов отрицает ценность и образный строй стихов Державина, где религиозные убеждения поэта отрицать невозможно. «Мир создан – ради его разрушения? Финал – царство мертвых? Но Державин упрям: благодари создателя... Так что, чем глубже погружается человек в религиозное сознание, тем дальше он отходит от реального постижения нашего земного бытия».³ Впрочем, в своих трудах Ю. Никишов с подобных методологических позиций анализирует творчество и А.С. Пушкина, и Н.В. Гоголя.

По большому счету Державин можно считать предшественником духовного реализма в современной поэзии. Обращение ряда авторов к истокам национальной духовности, ментальности исторического православия – это знамение нашего времени. Христианское мировосприятие воплощается в творчестве Н. Карташовой, О. Гречко, М. Аввакумовой, М. Струковой, В. Скифа (Смирнова), Л. Патраковой, Н. Никишина и многих других современных авторов. Особое значение имеет поэзия священнослужителей, например, Владимира Нежданова, Дмитрия Дудко, протоиерея Андрея Логвинова, иеромонаха о. Романа и др.

¹ Никишов Ю.М. Поэт, который «в сердечной простоте беседовал о Боге» // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2007. № 28 (56). С. 4-5.

² Никишов Ю.М. Указ. соч. С. 7.

³ Там же. С. 12.

Особенно интересно в этом отношении творчество Юрия Кузнецова, поднимавшего в своих стихах, как и Державин, глобальные общечеловеческие и национальные проблемы бытия. «Державинская дремота, – как он выражался, – эпична», и ему особенно близки строки: «Чего в мой дремлющий тогда не входит ум? / Мимолетящи суть все времени мечтанья: / Проходят годы, дни, рев морь и бурей шум / И всех зефиров повеванья». «Во всех случаях русская дремота открыта, и восприимчива, и не исключает Бога»¹, – считает современный поэт. В образный массив, который должен иметь в виду читатель, приступая к чтению его стихов, Ю. Кузнецов включает произведения Державина «Бог» и «Водопад».

Значительное место в стихах и поэмах Ю. Кузнецова занимают враждебные России силы, денационализированные, темные, сатанинские, человеконенавистнические. В последние годы от ощущения присутствия в мире сатаны Ю. Кузнецов пришел к чувству Божьего промысла и явного существования в мире Христа. При этом религиозное чувство, несущее в себе светлое, доброе, Божественное начало, неразрывно связано у Ю. Кузнецова с понятием «Святая Русь». Поэтическая тетралогия Ю. Кузнецова о Христе «Детство Христа», «Юность Христа», «Путь Христа», «Сошествие в ад», без всякого сомнения, одно из самых значительных явлений русской литературы на стыке веков. Это итоговое поэтическое произведение русской литературы XX века. Ю. Кузнецов блестяще воплотил свой замысел показать в образе Христа Бога и человека, больше того – духовный путь человека к осознанию себя Сыном Божиим во всей его силе и безмерной ответственности за судьбы человечества. Лиризм произведения проистекает из того, что и сам поэт ощущал в себе неисчерпаемые творческие силы и передавал свое духовное родство с Христом. И хотя поэма-цикл Кузнецова вызвала споры в критике, можно сказать, что поэт не отступил от духа Священного писания в своей концепции Христа и истории человечества. Его творчество лежит в русле сложной ассоциативно-метафорической системы, и художник, опираясь на библейский текст, вправе домысливать, воображать, использовать апокрифы при создании своего произведения. У него, как и у других поэтов христианской ориентации, понятие о будущем связано с представлениями о жизни «вечной, нескончаемой».

Державин считает себя единственным истинным поэтом эпохи. «Един есть Бог, един Державин», – заявлял он в одном из своих стихотворений. И даже в этом можно найти типологическое сходство с Ю. Кузнецовым, который восклицал: «Я один. Остальные – обман и подделка». В поэзии Державина особую роль играет свет, он может

¹ Кузнецов Ю.П. Воззрение // Кузнецов Ю.П. Крестный ход. Стихотворения и поэмы. М.: СовА. 2006. С. 14 – 17.

быть солнечным, дневным, лунным, но именно он озаряет и придает красочность миру. «Кристалльная прозрачность воздуха, бодрящая ясность света – для державинского ландшафта норма», подчеркивает С. Аверинцев¹. Этот свет сопрягается у него со светом его поэзии, его души. То же можно сказать о поэзии Н. Рубцова и Ю. Кузнецова. Ключи от сердца лирического героя Кузнецова там, где «светит божество», он внутренне осуждает тех, кто «боится думать о высоком», у него можно встретить немало строк, опирающихся на христианские этические представления: «Во славу Бога ночь тиха», «Не может грешная душа / Наедине с собой остаться», «Я изгнан из горнего Слова», «Душа с того света рванется» и т.д. Однако строки: «Бог есть и как бы нет его / – Вот что за мысль тебя смущала», возможно, относятся и к самому автору. Духовно-творческие порывы поэта к истине, видимо, были не напрасными: «Однажды ветер разорвал / Туман меж Богом и тобою, / И зазвенел, и засиял / Свет над землею и водою». И уже прямо, от своего имени в стихотворении «Слово» он заявляет: «Когда я смолк, душа открылась Богу / И в тишине произнесла: – Люблю!»

Если Державин в своих стихах воспел подвиги Суворова и Румянцева как народных полководцев, то Кузнецов обратился к образу Жукова. Злодейство у них рисуется в космическом масштабе: «Злодейства землю потрясают, / Неправда зыблет небеса», писал Державин. Для того и другого поэта характерно монументальное видение России. «Жизнь есть небес мгновенный дар. / Устрой её себе к покою», – писал Державин. Покой для него – одна из высших ценностей. «Боже! Я плачу и смерть отгоняю рукой. Дай мне великую старость и мудрый покой», так заканчивает Юрий Кузнецов поэму «Путь Христа».

Поэзия Державина в целом перекликается с исканиями и особенностями современной поэзии. По словам А.В. Западова, «трудность понимания державинского стиля зависела не только от желания поэта зашифровать свои намеки. Это качество придавала ему усиленная метафоричность поэтической речи Державина, усложненность её от обилия ассоциаций, возникавших у автора, причем он не особенно трудился над тем, чтобы звенья их сделать понятными читателю»². При этом метафора Державина живая, конкретная, не выдуманная, идущая от реальной жизни. Именно к такой метафоре стремился Юрий Кузнецов.

В поэме «Дом» Ю. Кузнецов подчеркивает непостижимость национального пространства и времени, быта и бытия, чувства и мысли. Это и «русский вздох, что удалю зовется», и «свобода русской воли!», и почти философская категория «ничто», которой определяет русский

¹ Аверинцев С.С. Указ. соч. С. 8.

² Западов А.В. Поэты ХУШ века М., 1979. С. 198.

человек свою жизнь. В произведениях Ю. Кузнецова не просто ощутимо использование фольклорной символики, но фольклор как бы пропущен через опыт национальной сказочной традиции. Эпическому мироощущению Ю. Кузнецова, Н. Рубцова, а ранее А. Твардовского, как и Державина, свойственно чувство национальной гордости и, я бы сказал, национальной неудовлетворенности. Отсюда у них резкие сатирические строки.

Современная поэзия близка Державину высоким нравственным зарядом стихов Е. Исаева и В. Соколова, интересом к национальной истории А. Маркова и В. Фирсова, философией красоты В. Федорова, социально-нравственными аспектами стихотворений С. Викулова, поисками философского решения «русского дела» в поэзии Ю. Кузнецова, трагизмом мировосприятия Н. Рубцова, а главное, глубинными духовными основами, нерасторжимо связанными с верой отцов – православием.

И.А. Казанцева

ОБРАЗ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

Роль православных подвижников в истории осмыслялась русской литературой XX – XXI вв. контексте важнейших онтологических и антропологических проблем. Значение для истории Куликовской битвы и Отечественной войны 1941-1945 годов справедливо сопоставляется. Духовный смысл побед проявляется через обращение к образам исторических личностей, которые, не стремясь войти в историю, стали частью «нравственного запаса» (В. Ключевский) нации. Как замечает в предисловии к своей книге «Русские Святые» В. Крупин: «Разве могла бы она (Россия – И. К.) выстоять в трудные периоды истории, не будь у нее праведников! Разве случайно в тяжелейшую осень 1941 года с самой высокой трибуны страны раздались имена Александра Невского, Дмитрия Донского! А ведь это были не просто русские князья, полководцы – то были люди, причисленные к лику Святых»¹. Жития Дмитрия Донского, Александра Невского и других русских полководцев воплощают мысль писателя о том, что созвучно православной душе – жертвенность, готовность отдать жизнь «за други своя». Показывая влияние на историю молитвенников за Россию, В. Крупин обращается к образам особо чтимых русских святых. Так, воспоминание о Дмитрии Донском рождает в памяти образ Сергия Радонежского, благословившего полководца на битву. События XIV и XX вв. удивительно соприкасаются. Во время Великой Отечественной

¹ Крупин В.Н. Русские Святые. М., 2006. С. 7.